

Александр Куприн

Шестое чувство

Александр Куприн

Шестое чувство

«Public Domain»

1934

Куприн А. И.

Шестое чувство / А. И. Куприн — «Public Domain», 1934

«Собралась у меня наша привычная преферансная публика: отец Евдоким, настоятель кладбищенской церкви, сосед мой, отставной хриплый полковник, инженер-электрик, маленький, толстенький, похожий на степенного попугайчика в белом фуляровом галстуке, и я. Жена принесла нам солидное угощение: чай из сушеной морковной ботвы (отвар весьма вкусный и полезный), пайковые леденцы, песочное пирожное из овсяной муки. Она же умело разбавила заветные 25 граммов аптекарского ректифицированного спирта – стоимость двенадцатикратного цейсовского бинокля»

© Куприн А. И., 1934

© Public Domain, 1934

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Куприн Александр Шестое чувство

Начало этого повествования относится к первым весенним дням 1918 года[...].

Собралась у меня наша привычная преферансная публика: отец Евдоким, настоятель кладбищенской церкви, сосед мой, отставной хриплый полковник, инженер-электрик, маленький, толстенький, похожий на степенного попугайчика в белом фуляровом галстуке, и я. Жена принесла нам солидное угощение: чай из сушеной морковной ботвы (отвар весьма вкусный и полезный), пайковые леденцы, песочное пирожное из овсяной муки. Она же умело разбавила заветные 25 граммов аптекарского ректифицированного спирта – стоимость двенадцатикратного цейсовского бинокля.

Мы с удовольствием подкрепились, попили чайку, закусили, похвалили золотые хозяйки ручки. Потом кто-то сказал:

– Зачем же нам терять золотое время? Другой поддержал:

– И, правда, не заняться ли делом? А я закончил:

– Чтоб укрепить наш альянс, сыграем, братья, в преферанс. Пулька наша была старинная, ладная, давно сыгравшаяся. Нам уже не надо было ни о чем договариваться. Все знали, что играем по четверти копейки, с четырьмя разбойниками на каждого и с розыгрышем распасовок. За долгое время практики мы уже безошибочно привыкли к своеобразным жестам и к любимым поговорочкам партнеров.

Отец Евдоким купил на шесть без козыря. Я нарочно протянул руку, делая вид, что хочу придвинуть ему прикупку, и заранее знал, что он загородит ладонью карты и скажет:

– Нет, уж, пожалуйста, не беспокойтесь. Я уж сам в моем курятнике похозяйничаю...

Затем он осторожно и медленно вскрыл одну за другой обе карты, заслоняя их от партнеров широким рукавом рясы.

Лицо его стало совсем кислым и разочарованным. Он покачал головой, вздохнул и сказал уныло:

– Готов Тартаков! Вынужден играть семь пик. Зарвался!

– С присидцем, отец Евдоким? – лукаво спросил полковник.

– Какой тут присидец? Дай Бог свое отыграть. Молча зашлепали толстыми грязными картами. Свежих уже нигде нельзя было найти с тех пор, когда современный нам Калиостро, он же талантливый актер и он же неожиданный и внезапный анархист Мамонт Дальский, одним росчерком пера реквизировал все карточные запасы с клеймом Воспитательного Дома: «Пеликан, кормящий своих детей собственным мясом».

Вскоре батюшка очутился в коробке. Предстояло ему: или бить тузом козырную даму, или прорезать маленькой. Все зависело от того, на чьей руке король. Положение было тяжелое и рискованное. Отец Евдоким уже постучал нервно ногтями по краешку стола. Партнеры ожидали, что он сейчас вытащит одно из своих любимых присловий, скажет: «Стала она призадумывать себя» или крякнет и воскликнет, точно в ужасе:

– Тут-то Менделеева и передернуло! Он поглядел пронзительным взором на своих партнеров, инженера и полковника, но лица их были холодны и замкнуты. Счастье мое, что я, как сдававший, в игре не участвовал; я бы никак не устоял перед этим пытливым взглядом.

– Да-а-а, – протянул отец Евдоким. – Да-с. Тут-то Менделеева и...

И вдруг священник мгновенно умолк и стал бледнеть, не отводя глаз от двери в переднюю. Мы все невольно повернули головы в этом же направлении. Там стояла перепуганная и тоже бледная Катерина Матвеевна, наша кухарка и наш давний друг, родом из Гдовского уезда, похожая обычно на солидную каменную бабу, но теперь совсем растерявшаяся. За ее спиной тускло поблескивали лезвия примкнутых штыков и смутно шевелились толпившиеся

в передней люди. Катерине Матвеевне казалось, что она что-то говорит, губы ее двигались, но из них не выходило ни одного звука.

Это пришли ко мне с обыском: четыре распоясанных, расстегнутых солдата (...) под командою стройного белесого маленького латышонка, туго и ловко одетого в походные желтые ремни новенького хаки. Шестым был долговязый комиссар в поношенном черном пиджаке; правой руки у него не хватало по локоть.

Два солдата остались на кухне, все остальные вошли в комнату. Однорукий протянул перед собой грязный почтовый листок и сказал:

– По мандату от Совета рабочих и солдатских депутатов мы должны произвести в этой квартире обыск. Прошу кого-нибудь из хозяев следовать за мною.

Я встал, но жена сказала мне движением ресниц – сядь. Я все сделаю сама.

Я послушался. В некоторых серьезных случаях женскому темному инстинкту нужно повиноваться без рассуждений. Она отлично знала, что в ту злую пору во мне еще не улеглась, не угасла склонность к сарказму и вредная несдержанность на слово. Кроме того, у нее в разных таинственных уголках и ящичках комодов, буфетов и шифоньерок были тщательно схоронены крошечные пакетики с белой мукой, разного сорта крупами, сахаром, шоколадом, спиртом, табаком и другими вещами, на случай изнурения или болезни. Эти скудные припасы вскоре настоятельно понадобились нам, когда дочка наша и я заболели жестокой дизентерией после употребления в пищу жмыхов.

Конечно, беглый и невнимательный взгляд не мог бы сразу наткнуться на эти сокровища, если бы его не натолкнула какая-нибудь причина или примета. Потому-то обыскиваемому надо иметь при обыске свою душу в спокойных, холодных и уверенных руках. Но я бы, например, сопутствуя обыску, я бы, пожалуй, смог заставить себя молчать, не поднимать опущенных век и уж никак не косить глаза на питательное «табу». Но не думать о предметах и мысленно не видеть их – это было бы свыше моих психических сил. А ведь давно известно, что такое душевное напряжение непременно, как гипноз, передается мозгу мало-мальски опытного сыщика... и тут конец.

А ну-ка, закажите себе в течение двадцати минут не думать о белом медведе!

Однорукий комиссар и нарядный латыш пошли за женою. Она была восхитительно хладнокровна. В дверях столовой комиссар сказал ей любезно:

– Мы, собственно, интересуемся английской корреспонденцией вашего мужа. Поэтому, во избежание лишней возни и потери времени, покажите нам место, где находятся все его рукописи и документы. Домашних ваших пустяков мы трогать не будем.

«Хороши пустяки, – подумал я. – А заряженный на все восемь гнезд револьвер „веладог“, который засунут в узкое пространство между ванной и стеной? А наган, лежащий под плинтусом на террасе? Слава Богу, что жена отвела меня от этой игры в обыск».

Мы четверо остались на тех же местах. Над нами стояли сонные, грязные, вонючие, поминутно чешущиеся за пазухой и зевающие солдаты. Я предложил закончить пульку. Но мои добрые друзья зашипели на меня:

– Какая уж тут пулька! Вы лучше спрячьте поскорее карты, пока не поздно. Сами знаете, как на это теперь смотрят... Да и вообще тут для нас в чужом пиру похмелье. Ну, мы понимаем, вы писатель, вы там могли что-нибудь такое написать. А за что же нас-то арестовали?

Вообще, они явно впадали в панику. Отец Евдоким сказал:

– Моя матушка точно предвидела. «Не ходи да не ходи. Что тебе по ночам шататься?» Да и мне, признаться, не особенно хотелось идти. Нет! Понесла-таки нелегкая.

И, заметно, они на меня глядели враждебно.

К счастью, обыск продолжался недолго. Минут через двадцать однорукий с латышом, вслед за женою, вошли в гостиную. Партнеры мои были немедленно и очень вежливо отпущены

по домам. Должен все-таки сказать, что, по торопливости, ни один из них не попрощался с хозяевами дома.

Большевики оказались людьми гораздо более светскими. Однорукий попросил позволения сесть, для составления протокола, а латыш, шелкнув каблуками, спросил:

– Не разрешите ли покурить?

Они опустошили весь мой огромный письменный ясеневый стол снаружи и внутри, а также американский классер со множеством полок, и все их содержание вывалили горой на стол под большую лампу с широким золотистым абажуром. Там было несметное количество писем, деловые бумаги, контракты с издателями, десяток записных книжек, множество фотографических карточек, а больше всего черновиков, начатых и недоконченных повестей, беглых заметок, шуточных стихов и тому подобного мусора. Были и письма иностранцев, но они касались исключительно моих сочинений и никакой политикой не пахли.

Однорукий начал было составлять подробную опись всем этим забранным предметам, но потом махнул рукой и спросил:

– Нет ли у вас каких-нибудь весов?

Весы нашлись, кухонные медные, с плоской круглой тарелкой. Их принесли. Комиссар быстро взвесил весь реквизит и дал нам расписку в том, что принял вещей на девять фунтов. Весь бумажный скраб был затем упакован и запечатан.

– А теперь, – сказал однорукий, – вы уж нас извините, товарищ дама, но по распоряжению революционного трибунала мы обязаны доставить вашего супруга в местный Совдеп до дальнейших указаний.

– Можно ли мужу взять с собою некоторые необходимые вещи? – спросила хозяйка.

– Нет, зачем же? Если хотите, товарищ, возьмите с собою запас папирос. Больше вам ничего не понадобится. И дело ваше, по-видимому, совсем пустяшное... Какое-нибудь простое недоразумение... Сегодня же ночью, а самое крайнее, завтра поутру, вы будете свободны. Пойдемте, товарищ.

Мы вышли из дома и пошли по Елизаветинской улице¹: впереди два солдата, позади другие два с бравым маленьким латышом, посредине – я с комиссаром.

Время перевалилось за полночь. Большие чистые звезды дрожали и переливались в черном низком небе. Ноги наши упруго и мягко ступали по слегка влажной дорожке. Смолисто и волнующе пахли разветвляющиеся почки берез. Из палисадников доносился легкий радостный аромат зацветающей сирени. В такую пору – думалось мне – глухарь только что перестал играть свои страстные любовные песни, а тетерев на рассвете вот-вот начнет токовать. Господи! Как невыразимо прекрасны Твои ночи!

С жалостью и горькой злобой мелькнуло чувство утерянной свободы, и я, неожиданно для себя самого, громко спросил однорукого:

– Хорошо. А все-таки за что же меня арестовали?

– Не знаю, – сказал он грубо, точно твякнул. – Да если бы и знал, то не уполномочен вас осведомлять.

Черт его возьми! На улице он растерял все свое джентльменство.

По Соборной улице и проспекту Павла I мы дошли до Совдепа. Помещался он в старинном просторном деревянном чудесном особняке, где раньше жилали из поколения в поколение гг. командиры синих кирасир². Теперь гордый полковой штандарт был сорван с вышки...

¹ Елизаветинская – сейчас ул. Достоевского. «Зеленый дом» А.И. Куприна, уничтоженный во время Великой Отечественной войны, находился на месте нынешней пятиэтажки (дом № 19), наискосок через перекресток от усадьбы Клодницкого. На доме № 19 установлена мемориальная доска.

² Деревянный дом командира Кирасирского полка был построен в 1825 году в начале Большого проспекта напротив Адмиралтейских ворот по проекту неизвестного архитектора. Он сгорел в 1919 году.

Я бывал в этом прелестном домике в начальные годы войны, вплоть до 17-го, когда в нем проживал, в качестве гатчинского коменданта, старый, но крепкий кирасирский генерал Дрозд-Бонячевский, который несколько свысока дарил меня своей благосклонной дружбой. Как все русские добрые генералы, он был не без странностей. Говорил он в растяжку, хриповатым баском и величественно, не договаривал последних слогов: замеча-а-а... прекра-а-а-а, превосхо-о-о...

Чудаковат он был. Приезжая к нам домой инспектировать наш солдатский госпиталь, он неизменно интересовался тем, что читают солдаты. Одобрял «Новое Время» и «Колокол». Не терпел «Речи» и «Биржовки». «Слишком либера-а-а... И надеюсь также, что сочинений Куприна вы им читать не даете. Сам я этого писателя очень уважа-а-а, но согласитесь с тем, что для рядовых солдат чересчур, скажем, преждевре-е-е...».

У него была еще одна генеральская слабость: живопись акварелью. В свободные минуты он собственноручно раскрашивал комнатные стенные шпалеры, изображая на них – где дорогу в хвойном лесу, где березовую беседку. Чисто по-детски радовался он всякой похвале и печалился только о том, что ему не давались человеческие лица.

Идя теперь, вслед за одноруким, по комнатам особняка, я узнавал сквозь мутный свет керосиновой лампы милые, незатейливые картинки Дрозда-Бонячевского и с печальным умилением думал:

– Где же ты теперь, милый Дрозд, со своими теплыми странностями, человек, не причинивший никому огорчения в течение своей большой жизни?

Меня привели в самый верхний этаж, в бельведер с просторным балконом. Пахло затхлостью неотворяемого помещения.

Я взялся за ручку, чтобы открыть дверь, но комиссар быстро отвел мою руку.

– Этого вы уж, пожалуйста, не делайте. Очень попрошу вас! А лучше ложитесь-ка спать. Поглядите-ка, кресла-то какие царские! Об окне же и думать оставьте. Если ночью высунетесь наружу, то часовой раздробит вам голову пулей. Да, впрочем, и я проведу всю ночь, не отходя от вас. Хороших снов!

Старинное прапрадедовское раздвижное кресло, из какой-то потрепанной, но нежной неизносимой кожи было широко и уютно. Мне не спалось. Каждый раз, когда я закуривал папиросу, то в красноватом освещении мне мерещился зорко следящий за мною глаз.

Сосед мой не храпел, не бредил, но каждый раз, когда я переменял положение тела, он почти беззвучно шевелился.

Должно быть, все-таки, что прерывисто, на секунды, я засыпал очень глубоко, потому, что порою, открыв глаза, я видел сначала серо-побледневший воздух за окном, потом удивительно чистое голубое небо, чуть тронутое по краям розовой тонкой окраской, потом заорали петухи, и я почувствовал солнечный восход.

– Хотите, я открою окно? – спросил одноруким, поднимаясь на своем кресле.

– Пожалуйста.

Какая радость вторгнулась к нам в мансарду, когда широко распахнулись большие полукруглые рамы, навстречу весне и солнцу. В первый раз мне тогда пришло в голову: почему это наш тихий исторический посад называется так непонятно, по-чухонски «Гатчина». По-настоящему ему бы надо было называться посадом «Сирень». Теперь, стоя на высокой вышке, я понял, что никогда еще и нигде, за все время моих блужданий по России, я не видал такого буйного, обильного, жадного, великолепного цветения сирени, как в Гатчине. В ней утопали все маленькие разноцветные деревянные дома и домишки Большой Гатчины и Малой, Большой Загвоздки, Малой, Зверинца и Приората и, в особенности, дворцового парка и его окрестностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.